

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.29.75.010

Интеграция культурных ценностей коренных народов в реабилитационные практики пенитенциарной системы: на примере майори в Новой Зеландии

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется эволюция исправительной системы Новой Зеландии с конца XX века по настоящее время через призму интеграции культурных ценностей коренного народа маори в реабилитационную практику. Прослеживается трансформация мировоззренческих концепций от экспериментальных гуманистических проектов 1980-х годов через реформу «Новый Путь», провозгласившую синтез пенитенциарной педагогики и традиционного маорийского мировоззрения, к современной прагматичной стратегии основанной на актуарной оценке рисков и селективном доступе к программам. Особое внимание уделяется тому, как культурная компонента, изначально мыслившаяся как онтологическое основание исцеления и духовного возрождения, последовательно инструментализируется, превращаясь из самоценной цели реабилитации в тактическое средство управления поведением групп высокого риска. На примере специализированных отделений, мотивационных курсов и творческих практик демонстрируется, что культурно-адаптированные программы создают благоприятный институциональный климат, однако не обеспечивают устойчивого снижения рецидивной преступности.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Интеграция культурных ценностей коренных народов в реабилитационные практики пенитенциарной системы: на примере маори в Новой Зеландии // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 5А. С. 93-102. DOI: 10.34670/AR.2026.29.75.010

Ключевые слова

Пенитенциарная система Новой Зеландии, культура маори, реабилитация осужденных, управление рисками, рецидивная преступность, восстановительное правосудие, творческие программы в местах лишения свободы, инструментализация культуры, социальная реинтеграция.

Введение

Современная философия исполнения наказаний развивается в концептуальном поле, ограниченном двумя полюсами: классической гуманистической традицией, возводящей в ранг неотъемлемого права осужденного субъекта на личностную трансформацию и социальное перерождение, и неоклассическим прагматизмом, трактующим изоляцию от общества прежде всего как инструмент минимизации общественных угроз. В этом контексте эволюция исправительной системы Новой Зеландии с конца двадцатого столетия по настоящее время представляет собой последовательную смену мировоззренческих концепций, каждая из которых возникала как реакция на кризисные явления предшествующего этапа и, одновременно, как попытка разрешить фундаментальное противоречие между идеалами исправления и императивами общественной безопасности. Особую уникальность новозеландскому опыту придает последовательная интеграция культурных ценностей коренного народа маори в реабилитационную практику, что превращает локальную пенитенциарную политику в показательный случай столкновения универсалистских подходов и этнически маркированных стратегий социальной реинтеграции. Именно культурное измерение выступает той призмой, через которую просматриваются как достижения, так и системные ограничения реформаторских усилий, поскольку обращение к традиционным ценностям маори изначально мыслилось не как тактический ход, а как фундаментальный пересмотр самой онтологии наказания и исправления.

Основная часть

Отправной точкой системных преобразований в новозеландской пенитенциарной системе послужили локальные инициативы конца 1980-х годов. В этот период группой исследователей был реализован ряд пилотных проектов, призванных оценить влияние творческих и образовательных занятий на психологический климат в местах изоляции и поведенческие паттерны содержащихся там лиц [Bevan, 2024; Currie, 1989; Johnstone, Gilbert, 2023]. Полученные эмпирические данные демонстрировали статистически значимое улучшение внутриинституциональной атмосферы, снижение уровня конфликтности и уменьшение числа дисциплинарных нарушений, что создавало устойчивое впечатление о потенциальной эффективности гуманистически ориентированных вмешательств. Эти эксперименты

закладывали мировоззренческий фундамент для будущих реформ, поскольку они ставили под сомнение доминировавшую тогда доктрину, постулировавшую принципиальную бесперспективность любых попыток коррекции осужденных субъектов [Clennon, 2013; Farley, Mehigan, 2024; Lambie, 2022]. В этом смысле пионерские проекты конца 1980-х годов выступили в роли эмпирического основания, доказавшего на микроуровне, что творческая активность и образование способны гуманизировать среду изоляции, однако, как показала последующая практика, позитивные эффекты, достигнутые в рамках отдельных экспериментов, не поддавались прямому масштабированию до уровня устойчивых системных изменений. Именно эта неустранимая дистанция между локальным успехом и общесистемной эффективностью предопределила дальнейшую траекторию реформ: положительная оценка отдельных проектов создала когнитивный и политический импульс для более радикальных преобразований, но одновременно оставила открытым фундаментальный вопрос о способности таких программ кардинально влиять на ключевой показатель исправительной системы к которому относится уровень рецидивной преступности. Таким образом, ранний экспериментальный этап породил исходное противоречие, которое будет воспроизводиться на всех последующих стадиях: признание гуманистической ценности образовательных и творческих занятий вступало в конфликт с отсутствием убедительных доказательств их долгосрочного криминологического эффекта, культурная составляющая на этом этапе еще не была определена как самостоятельный фактор, но именно творческие практики заложили ту антропологическую основу, на которой впоследствии выстраивались этнически маркированные программы.

Следствием этих противоречий явилась концептуальная перестройка начала 1990-х годов, оформившаяся в программу системных реформ под названием *He Aha Hou*, что в переводе с языка маори означает «Новый Путь». Теоретической базой этой реформы стал решительный разрыв с доктриной «ничего не работает» и переход к синтетической модели, объединявшей достижения в области пенитенциарной педагогики с традиционными ценностями маорийской культуры [Hughes, McLewin, 2005; Jenkin, Keay, 2025; Meek, 1992]. В основе новой философии лежало убеждение, что коррекция преступного поведения достижима через комплексное воздействие на личность осужденного субъекта, включающее приобретение новых профессиональных навыков, изменение когнитивных установок и обращение к принципам восстановительного правосудия. Особое значение придавалось маорийской концепции общины как целительной среды, идеям духовного возрождения и восстановления социальных связей, что принципиально отличало *He Aha Hou* от подходов, ориентированных на изоляцию. В теоретическом плане данная модель представляла собой синтез, где образовательный компонент, творческая активность и культурная идентичность рассматривались как равновесные элементы единого реабилитационного процесса, культурному измерению отводилась роль связующего звена, придающего всей конструкции внутреннюю согласованность и антропологическую глубину. Процессу исцеления потерпевшей стороны и сообщества придавалось не меньшее значение, чем наказанию виновного, что отражало глубинные мировоззренческие установки маорийской правовой традиции, в которой деликт понимался не столько как нарушение юридической нормы, сколько как разрыв социального и духовного равновесия, требующего восстановления. Однако уже на этапе концептуального оформления *He Aha Hou* закладывалось уязвимое звено, поскольку предполагалась прямая и устойчивая корреляция между улучшением условий отбывания наказания, культурным

обогащением и снижением криминальной активности. При этом данная корреляция в последующем не нашла однозначного статистического подтверждения. Тем не менее, именно теоретическая элегантность и этическая привлекательность этой модели обеспечили ей широкую политическую и общественную поддержку, что позволило перейти к фазе практической реализации, культурная компонента из вспомогательного элемента превратилась в один из центральных реформаторской стратегии.

Переход от теории к практике в рамках *He Ara Hou* ознаменовался беспрецедентным расширением образовательных и творческих программ, которые были возведены в ранг системного приоритета исправительной политики. Учреждения принудительной изоляции начали трансформироваться в пространства, где академическое обучение, профессиональная подготовка и художественная деятельность становились не факультативными дополнениями, а неотъемлемыми элементами режима содержания. Эмпирически это выразилось в значительном росте числа осужденных, охваченных образовательными курсами, что свидетельствовало об институционализации педагогического компонента как легитимной и социально одобряемой практики. Особый акцент делался на удовлетворении культурных потребностей коренного населения маори, составлявшего и продолжающего составлять диспропорционально большую долю контингента учреждений принудительной изоляции. Отдельные проекты, ранее носившие экспериментальный характер, трансформировались в основание государственной исправительной политики, что выразилось в создании специализированных отделений и даже целых учреждений, функционирующих на основе маорийских культурных принципов — *тиканга* и *Te Ao Maori* [Mills et al., 2025; Rosenbaum, 2019]. В этих пространствах рутинная практика содержания наполнялась ритуалами и практиками, восходящими к доевропейским формам социальной организации, что создавало для осужденных маори среду культурного узнавания и психологического комфорта. Указанные нововведения сопровождались заметным улучшением институционального климата: наблюдалось снижение уровня конфликтности, уменьшение числа попыток побега и общее смягчение режимной напряженности, что создавало устойчивое впечатление о наступлении новой эры в управлении пенитенциарными учреждениями. Казалось, что синтез гуманистической педагогики и культурного возрождения действительно способен трансформировать деструктивную природу принудительной изоляции, превращая ее в пространство реабилитации и личностного роста, где культурная идентичность выступает онтологическим основанием всего исправительного процесса.

Однако за внешними признаками прогресса скрывалось критическое уязвимое место, предопределившее последующий пересмотр всей реформистской стратегии. Главным разочарованием стало отсутствие устойчивого и статистически значимого снижения уровня рецидивной преступности среди контингента, прошедшего через программы *He Ara Hou*. Возник парадокс, поставивший под фундаментальное сомнение основной постулат реформы о прямой корреляции между гуманизацией условий содержания и сокращением повторной криминальной активности: рост образования, культурного самосознания и творческой реализации сопровождался стагнацией в борьбе с рецидивизмом преступности. Этот разрыв между впечатляющими институциональными изменениями и отсутствием внешнего эффекта в виде снижения преступности стал триггером для смены мировоззренческой парадигмы. Политическая уязвимость реформ оказалась прямо пропорциональна их неспособности повлиять на рецидивизм, поскольку именно этот показатель традиционно воспринимается обществом и лицом, принимающим решения, как главный критерий эффективности

исправительной системы. В результате гуманистический подход, ориентированный на максимально широкую аудиторию осужденных субъектов и провозглашавший универсальное право каждого на исправление, начал постепенно вытесняться более прагматичной моделью управления рисками, где центральным становится не коррекция личности как таковой, а контроль и минимизация потенциального вреда, который осужденный субъект может причинить обществу после освобождения. Таким образом, He Aha Hou, при всей своей краткосрочной эффективности в гуманизации внутренней среды учреждений принудительной изоляции, обнаружил свою несостоятельность как стратегия снижения рецидивизма, что привело к закономерному отказу от универсалистской реабилитации в пользу более селективных и инструментальных подходов, культурная компонента, некогда определявшаяся как самодостаточная ценность, оказалась в положении инструмента, чья легитимность зависит от доказательств ее криминологической эффективности.

Современный этап пенитенциарной политики Новой Зеландии, развивающийся в рамках стратегии Департамента исправительных учреждений Hōkai Rangī, представляет собой мировоззренческий сдвиг по сравнению с эпохой He Aha Hou. Отказ от инклюзивной модели 1990-х годов, нацеленной на максимально широкую аудиторию, уступил место селективной и прагматичной стратегии, в основе которой лежит принцип динамической оценки рисков. Суть этого подхода заключается в соотнесении интенсивности реабилитационных мероприятий с вероятностью рецидива, определяемой через актуарные инструменты, что означает концентрацию ресурсов на группах «высокого риска», представляющих наибольшую угрозу общественной безопасности, тогда как субъекты с низким риском получают минимальное вмешательство или вовсе лишаются доступа к программам. В этом контексте культурно-адаптированные и творческие инициативы, столь характерные для новозеландской исправительной системы, перестали быть самоценными и стали рассматриваться как легитимное и жизненно важное дополнение к основным реабилитационным процессам, однако само это дополнение обрело прагматические контуры. Основной контингент, на который ориентированы эти программы, которое составляет коренное население маори, составляющее более половины контингента учреждений принудительной изоляции, рассматривается теперь не столько как носитель культурных прав, требующих защиты, сколько как целевая группа с повышенными криминогенными рисками, требующая специфических инструментов коррекции. Это смещение акцента с культурного возрождения на управление рисками составляет суть современной концепции, в рамках которой культурные программы сохраняются, но их предназначение переопределяется в терминах эффективности и релевантности основным задачам снижения рецидивизма.

Программы, основанные на принципах тиканга и мировоззрения Te Ao Maori, занимают центральное место в системе реабилитации и подразделяются на несколько уровней, каждый из которых отражает градуированную логику современного управления рисками. Первый уровень представлен мотивационными курсами, направленными на преодоление внутренних барьеров, мешающих участию в дальнейшей реабилитации. Ключевым инструментом здесь выступает Специализированная культурная оценка маори, проводимая независимыми экспертами, которая помогает осужденному субъекту осознать свою идентичность через изучение «вакапапы» - генеалогии и родословной, что рассматривается как необходимый предиктор для более глубокого вовлечения в программы. На основе этой оценки формируются рекомендации для участия в более интенсивных курсах, что иллюстрирует общую логику селективного доступа,

характерную для современной модели. Одним из ключевых мотивационных курсов является Тиканга Маори, структурированный вокруг четырех основных ценностей: манакитанга (гостеприимство), вангатанга (построение отношений), рангатиранга (автономия) и ваируатанга (духовность и благополучие). По свидетельству кураторов, программа начинается с создания ощущения принадлежности к сообществу, что становится мотиватором для изменений и последующего восстановления семейных связей.

Следующий, более глубокий уровень представлен специализированными реабилитационными подразделениями и курсами, где культурная составляющая достигает максимальной интенсивности. Самым значимым проектом является Те Тироханга, который представляет собой сеть из пяти специализированных отделений в различных учреждениях, предоставляющих среду, полностью основанную на маорийском мировоззрении. Первое такое отделение было открыто еще в 1997 году, в период реализации Не Ага Ноу, однако к настоящему времени эта инициатива трансформировалась в многофазную программу, включающую образовательные курсы (например, сертификат по маорийскому языку), поддержку семьи и реабилитационные мероприятия. Основной реабилитационный курс в этих отделениях Маши Ту Рае представляет собой трехмесячную программу средней интенсивности, предназначенную для коррекции криминального поведения и развития стратегий поддержания позитивных изменений. Параллельно для женщин существует специализированная программа Те Мапа Вāһине, действующая на базе отделения Хуритини в Женском учреждении Крайстчерча, а для молодых людей разработаны специализированные программы, такие как Те Вhare Нāраi Tangata для возрастной группы 18-25 лет, а также Тамауа Те Когонга и программы поведенческих навыков в молодежных отделениях. Помимо программ с глубоким культурным погружением, существуют также отделения с менее интенсивной составляющей, как, например, Те Ара Мāоrī, которые предоставляют субъектам с короткими сроками возможность укрепить свою культурную идентичность без полного погружения в программу Те Тироханга. Эта градация интенсивности отражает фундаментальный принцип современной модели: культурное воздействие дозируется в зависимости от профиля риска и срока содержания, что превращает некогда универсальное благо в дифференцированный инструмент, чье применение подчиняется логике актуарной оценки и управления уязвимостями.

Творческие программы являются неотъемлемой частью этой системы и зачастую пересекаются с культурными инициативами, их терапевтический эффект признается на уровне официальной политики. Волонтерское художественное образование играет все более заметную роль, поддерживая восстановление идентичности, развитие навыков и социальную реинтеграцию. В мужских учреждениях успешно действуют отделения капа-хака (традиционные маорийские танцы), музыка, пение вайата и живопись. В некоторых учреждениях, например, в Северном регионе и Хокс-Бей, существуют целые культурные «маршруты» предлагающие программы, специально разработанные для укрепления чувства принадлежности и благополучия. В Хокс-Бей это программа Тēnei Ау, Тēnei Ау, объединяющая подходы травма-информированной терапии и ваннаги (традиционного образования), а в Северном регионе действует восьминедельная программа Те Вaka Ангa Муa, фокусирующаяся на изучении вакапапы. Примером творческой программы для женщин является курс «Шитье, лоскутные одеяла и ремесла», действующий в Женском исправительном учреждении Окленда, где участницы создают одеяла, мягкие игрушки и вязаные изделия, которые затем дарятся детской больнице Starship. Кроме развития новых навыков и креативности, эта инициатива дает

женщинам ощущение цели и возможность отдать долг сообществу, что превращает творчество из эскапистского занятия в форму социальной репарации. Таким образом происходит смещение акцента от самореализации к реституции также соответствует общей логике управления рисками и восстановительного правосудия, где культурная активность обретает смысл через ее вклад в общественное благо.

Сравнительный анализ экспериментального, реформистского и современного этапов выявляет циклический характер реформаторских усилий, где каждый новый этап возникает как реакция на недостатки предыдущего, но порождает собственные противоречия. Если пионерские проекты продемонстрировали ценность творческих программ как фактора гуманизации, но оставили открытым вопрос об их долгосрочной эффективности, то He Ara Hou масштабировал этот подход, но не смог достичь цели сокращения рецидивов, что сделало реформы политически уязвимыми. Современная модель, отрицающая универсальность реабилитации в пользу селективного воздействия на группы высокого риска, решает проблему рационального распределения ресурсов, но ценой отказа от универсалистского гуманистического идеала, предполагавшего равное право каждого осужденного субъекта на исправление и второй шанс. В этой связи возникает фундаментальное противоречие между замыслом культурных программ, которые изначально мыслились как средство духовного возрождения и восстановления идентичности, и их фактической результативностью, измеряемой в терминах снижения рисков. Даже самые инновационные и культурно-чувствительные инициативы, реализуемые в рамках Hōkai Rangi, сталкиваются с проблемой доступа для лиц, находящихся под стражей в ожидании суда, что знаменует определенный прогресс в преодолении этого пробела, однако обнажает более глубинную проблему: улучшение доступа к образованию и терапии внутри учреждения не может компенсировать отсутствие рабочих мест и социальной поддержки за его стенами. Особую актуальность приобретает проблема системных факторов, таких как бедность, безработица и социальная маргинализация, которые подталкивают людей к совершению деликтов и которые остаются за рамками даже самых совершенных учрежденческих программ. В этом смысле культурно-адаптированные программы, при всей их антропологической обоснованности и терапевтическом потенциале, рискуют превратиться в инструменты управления контингентом учреждений принудительной изоляции, а не в подлинные механизмы социальной трансформации, что составляет главный антитезис современной модели по отношению к ее исходному гуманистическому замыслу.

Современная стратегия, направленная на предоставление программ на основе оценки индивидуальных потребностей, а не юридического статуса, является важным шагом вперед, однако она не устраняет корневых причин рецидивизма.

Заключение

Проведенный анализ эволюции пенитенциарной системы Новой Зеландии с конца XX века по настоящее время позволяет заключить, что ее развитие представляет собой не линейный прогресс, а циклическое движение, в котором каждая последующая мировоззренческая концепция возникает как реакция на кризис предшествующей, воспроизводя при этом фундаментальное противоречие между гуманистическими идеалами исправления и прагматическими императивами общественной безопасности. От экспериментов конца 1980-х

годов, доказавших на микроуровне гуманизирующий потенциал творческих и образовательных практик, через масштабную реформу He Ara Hou, попытавшуюся синтезировать пенитенциарную педагогику с культурными ценностями маори, к современной стратегии Hōkai Rangī с ее актуарной логикой управления рисками — на всем протяжении этого пути прослеживается устойчивое напряжение между универсалистским правом осужденного субъекта на личностную трансформацию и селективным подходом, концентрирующим ресурсы на группах, представляющих наибольшую угрозу.

Особую значимость новозеландскому опыту придает последовательная интеграция культурного измерения, которая превращает локальную пенитенциарную политику в показательный случай столкновения универсалистских и этнически маркированных стратегий реабилитации. Однако именно культурная компонента обнаруживает наиболее отчетливое противоречие современного этапа: изначально мыслившаяся как онтологическое основание исцеления и духовного возрождения, восходящее к традиционным ценностям маори она в рамках Hōkai Rangī последовательно инструментализируется, превращаясь из самоценной цели реабилитации в тактическое средство повышения релевантности основных программ для коренного населения. Эта трансформация подрывает антропологическую глубину маорийского подхода к правосудию, где деликт понимался как нарушение социального и духовного равновесия, требующего восстановления, и сводит культурное наследие к инструментам управления поведением, чья легитимность зависит от доказательств их криминологической эффективности.

Таким образом, даже самые инновационные и культурно-чувствительные пенитенциарные программы сталкиваются с принципиальным ограничением: они оперируют внутри учреждения изоляции, тогда как корневые причины рецидивизма, к которым относится бедность, безработица, социальная маргинализация и стигматизация локализованы вовне, в пространстве социально-экономических отношений. В этом смысле эволюция новозеландской модели демонстрирует, что учреждение лишения свободы, каким бы гуманизированным оно ни было, не может выступать самостоятельным агентом социальной реабилитации; оно способно лишь создавать предиспозиции к изменениям.

Библиография

1. Bevan M. Responding to Trauma, or 'Responsibilising' Women for It? Gender Responsivity, Trauma, and Women's Offending in Aotearoa New Zealand // Women & Criminal Justice. – 2024. – Т. 34. – №. 3. – С. 192-210.
2. Clennon O. D. How effective are music interventions in the criminal youth justice sector? Community music making and its potential for community and social transformation: A pilot study // Journal of Music, Technology and Education. – 2013. – Т. 6. – №. 1. – С. 103-130.
3. Currie C. Art in prison: An evaluation of a New Zealand prison programme. – Institute of Criminology, Victoria University of Wellington, 1989.
4. Farley H. S., Mehigan J. Why can't I study for a degree in prison in New Zealand? // Open Praxis. – 2024. – Т. 16. – №. 3. – С. 471-483.
5. Hughes J., McLewin A. M. A. Doing the arts justice // Reino Unido: Parkersprint. – 2005.
6. Jenkin R. A., Keay K. A. Body donor programs in Australia and New Zealand: Current status and future opportunities // Anatomical Sciences Education. – 2025. – Т. 18. – №. 3. – С. 301-328.
7. Johnstone L., Gilbert J. The Experiences of the Managed: case management in the Aotearoa New Zealand prison system // Policy Quarterly. – 2023. – Т. 19. – №. 4. – С. 34-45.
8. Lambie I. The prison pipeline: Why early intervention is the best solution // International Journal of Birth & Parent Education. – 2022. – Т. 9. – №. 3.
9. Meek J. Gangs in New Zealand prisons // Australian & New Zealand Journal of Criminology. – 1992. – Т. 25. – №. 3. – С. 255-277.

10. Mills A. et al. Going straight home? Housing stability and post-prison reoffending in Aotearoa New Zealand //Current Issues in Criminal Justice. – 2025. – T. 37. – №. 3. – C. 511-531.
11. Rosenbaum J. L. Art and mindfulness behind bars //The Prison Journal. – 2019. – T. 99. – №. 4_suppl. – C. 3S-13S.
12. Weaver B. Offending and desistance: The importance of social relations. – Routledge, 2015.

Integration of Indigenous Cultural Values into Rehabilitation Practices of the Penitentiary System: the Example of Māori in New Zealand

Oleg A. Smirnov

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article analyzes the evolution of the New Zealand correctional system from the late 20th century to the present through the prism of integrating the cultural values of the indigenous Māori people into rehabilitation practice. The transformation of worldview concepts is traced from the experimental humanistic projects of the 1980s through the "New Way" reform, which proclaimed a synthesis of penitentiary pedagogy and the traditional Māori worldview, to the modern pragmatic strategy based on actuarial risk assessment and selective access to programs. Special attention is paid to how the cultural component, originally conceived as an ontological foundation for healing and spiritual rebirth, is consistently instrumentalized, turning from a self-valuable goal of rehabilitation into a tactical means of managing the behavior of high-risk groups. Using the example of specialized units, motivational courses, and creative practices, it is demonstrated that culturally adapted programs create a favorable institutional climate but do not ensure a sustainable reduction in recidivism.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2026) Integratsiya kul'turnykh tsennostey korennykh narodov v reabilitatsionnye praktiki penitentsiarnoy sistemy: na primere maori v Novoy Zelandii [Integration of Indigenous Cultural Values into Rehabilitation Practices of the Penitentiary System: the Example of Māori in New Zealand]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (5A), pp. 93-102. DOI: 10.34670/AR.2026.29.75.010

Keywords

New Zealand penitentiary system, Māori culture, rehabilitation of convicts, risk management, recidivism, restorative justice, creative programs in places of deprivation of liberty, instrumentalization of culture, social reintegration.

References

1. Bevan M. (2024). Responding to Trauma, or 'Responsibilising' Women for It? Gender Responsivity, Trauma, and Women's Offending in Aotearoa New Zealand. *Women & Criminal Justice*, 34(3), 192-210.
2. Clennon O.D. (2013). How Effective Are Music Interventions in the Criminal Youth Justice Sector? Community Music Making and Its Potential for Community and Social Transformation: A Pilot Study. *Journal of Music, Technology and Education*, 6(1), 103-130.
3. Currie C. (1989). *Art in Prison: An Evaluation of a New Zealand Prison Programme*. Institute of Criminology, Victoria University of Wellington.
4. Farley H.S., Mehigan J. (2024). Why Can't I Study for a Degree in Prison in New Zealand? *Open Praxis*, 16(3), 471-483.
5. Hughes J., McLewin A.M.A. (2005). *Doing the Arts Justice*. United Kingdom: Parkersprint.
6. Jenkin R.A., Keay K.A. (2025). Body Donor Programs in Australia and New Zealand: Current Status and Future Opportunities. *Anatomical Sciences Education*, 18(3), 301-328.
7. Johnstone L., Gilbert J. (2023). The Experiences of the Managed: Case Management in the Aotearoa New Zealand Prison System. *Policy Quarterly*, 19(4), 34-45.
8. Lambie I. (2022). The Prison Pipeline: Why Early Intervention Is the Best Solution. *International Journal of Birth & Parent Education*, 9(3).
9. Meek J. (1992). Gangs in New Zealand Prisons. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 25(3), 255-277.
10. Mills A. et al. (2025). Going Straight Home? Housing Stability and Post-Prison Reoffending in Aotearoa New Zealand. *Current Issues in Criminal Justice*, 37(3), 511-531.
11. Rosenbaum J.L. (2019). Art and Mindfulness Behind Bars. *The Prison Journal*, 99(4_suppl), 3S-13S.
12. Weaver B. (2015). *Offending and Desistance: The Importance of Social Relations*. Routledge.